

ИсТ

АКАДЕМИЯ

СОВРЕМЕННЫХ

ИНФОКОММУНИКАЦИОННЫХ

ТЕХНОЛОГИЙ

ИсТ Исторические аспекты развития телекоммуникаций

ИсТ.9 Лучшие диверсанты XX века
(Воспоминания ветерана МЭИС МТУСИ)
Часть 3
(количество частей – 1, число страниц - 18)

ИсТ.9

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА

В середине 1945 года я получил приглашение перейти на преподавательскую работу в Высшую Разведывательную школу (ВРШ) Первого Главного управления. Она же школа 101. Заместитель начальника школы Гражуль В.С. - опытный разведчик - нелегал, высокообразованный человек, знал меня по работе в первые годы войны. Мы вместе, по заданию руководства четвертого управления, в Горьком, готовили базы, на случай осложнений в Москве. Приглашая меня, он сказал, что все надо делать самим и сначала. Я предложение принял. И не жалею. Проведенные двадцать с лишним лет в школе были периодом интересной, созидательной работы. Создание лабораторий, учебников и учебного материала, методики преподавания занятий и сами занятия. В этот период, я лично познакомился со многими известными советскими разведчиками, участвовавшими в работе школы. Своими воспоминаниями об этом периоде, я недавно поделился на юбилейной встрече в Академии Высшей разведки и повторяю их полностью сейчас. Чего-либо добавить, у меня уже нет:

В двадцатых числах декабря мы празднично отметили, стоящую того, юбилейную дату нашей службы внешней разведки. 75 лет - это весомо и значительно в истории страны и жизни каждого из сотрудников бывших и настоящих, особенно для тех, кто более пятидесяти лет "приписан" к этой службе.

Событие праздничное, волнующее и трепетное. Чувствуешь внутреннее удовлетворение тем, что ты современник многих событий в жизни советской разведки и одновременно некоторую тоску, что все это уже было, и остались только воспоминания. Да и то с пропусками.

На праздничную встречу я был приглашен подразделением оперативной техники Академии внешней разведки, за что искренне благодарен. На встрече присутствовали еще несколько приглашенных ветеранов, что усилило "историческую" часть присутствующих на празднике и приятно объединило с продолжающими работать сейчас.

Хозяева радушно встретили гостей, пригласили в большой просторный класс одной из лабораторий. Соответствующее настроение заслуженно поднимал по-хорошему праздничный, богато и обильно сервированный стол. На столе было все: вода, вино, закуски... Спасибо. Наша лепта была скромнее. Как поет Кикабидзе: "Мои года - мое богатство", а когда лет уже много, поделиться из этого богатства можно

только воспоминаниями.

Мне представили возможность, на правах не только самого старого, но и самого старейшего ветерана подразделения школы наших разведчиков, поделиться воспоминаниями из истории школы. Примерно я сказал следующее.

Прежде всего, повторив поздравление с 75-летием, поздравил с 50-летием существования Высшей школы разведки. Именно пятьдесят лет назад, в 1945 году, вместо курсовой подготовки разведчиков на маленьких, разнесенных друг от друга объектах, носящих название ШОН, РАШ, 101 школа, начало создаваться централизованное, структурно единое школьное подразделение - Высшая разведывательная школа ВРШ. 1945 год - первый учебный год ВРШ. Усердием начальника школы Владимира Харитоновича Шарманазашвили и его заместителя по учебным вопросам Вениамина Семеновича Гражуля в районе Балашихи началось оборудование объекта организации учебной работы новой школы.

В качестве шутливого отступления, обратив внимание на сервировку стола, я заметил, что за эти 50 лет, за годы перестройки и реформ кардинально изменились взгляды в среде разведчиков на некоторые вещи.

Сейчас мы вместе с тостом поднимаем стакан и пьем до дна; в 45-м, перед праздником заместитель начальника Гражуль специально собирал слушателей и вразумлял, что разведчик никогда не может быть заметно выпившим, и что даже товарищ Сталин на вас не обидится, если за его здоровье вы выпьете рюмку до половины...

В октябре 1945 года я получил назначение на должность начальника кафедры оперативной техники ВРШ. Этим назначением я, как бы оказался "родоначальником", "предком" Академии Внешней разведки, в которой мы сегодня собрались. В один из дней, погруженный в эмку на Лубянке у дома 2 вместе с начальником школы, я был доставлен к месту службы. Территория школы представляла собой огороженный сплошным высоким забором участок в несколько гектаров, прекрасного, хвойно-лиственного леса. Забор со стороны шоссе покрашен, конечно, в зеленый цвет - в то время "фирменный" цвет всех заборов объектов НКВД - КГБ. С шоссе, кроме вершин деревьев, не просматривалось ни одного строения. Хотя и строений было не так много. Вся территория четко делилась на две зоны - учебную и хозяйственную.

В учебной зоне находились: рубленое двухэтажное здание, в котором до войны находились общежитие, классы, столовая и кухня, - т.е. "вся" ШОН одного или

двух языков - всего человек на 10-14, и маленькая, тоже довоенная, одноэтажная дачка - "административный корпус"; кроме того, еще точно такие же двухэтажный корпус и дачка, перевезенные только что с другого объекта.

В глубине лесного массива достраивалось двухэтажное здание новой школы - с библиотекой, примерно десятью языковыми классами на 2-Л человека каждый, актовым залом человек на 50-60 со сценой и кинобудкой и двумя комнатами для групповых занятий по 10-15 человек каждая.

Отдельно, метрах в 60 от учебного корпуса, велось строительство большой столовой с бильярдной комнатой и баром. Правда, бар в качестве бара так и никогда не работал.

Все строительные работы вели военнопленные немцы. Хозяйственная часть территории была отделена забором из колючей проволоки. На ней находились жилые бараки для немцев, гараж и строилось жилое здание для обслуживающего персонала. Таков, примерно, был внешний облик школы в то время. По приезде на объект В.С.Гражуль повел знакомить меня с моим будущим "хозяйством". До сих пор я затрудняюсь определить, что это было, - меня представляли кафедре или кафедре представляли мне. В здании школы меня познакомили с первым и единственным штатным преподавателем специальных дисциплин - Павлом Герасимовичем Егоровым - фотографом-любителем высокой квалификации, оказавшимся первым преподавателем фотографии на кафедре оперативной техники. Во время войны он работал в резидентуре в Монголии, у В.В. Гриднева*. В школу на работу направлен весной этого года.

Вслед за знакомством с "преподавательским составом" была представлена и "материальная база" - 5 пустых, только что очищенных от строительного мусора, комнат, два фотоаппарата "лейка" и один фотоувеличитель. В заключение "представления" Вениамин Семенович сказал нам: "Вот все, что есть, ваша задача сделать так, чтобы все было".

Обнаруженные нами самые первые трудности заключались в том, что не у кого было перенять какой-либо опыт оборудования лабораторий и организаций школьного обучения оперативной технике. В школе не было других, кроме двух языковых, кафедр с прекрасными преподавателями-иностранцами, имевшими каждый свои взгляды на методику преподавания. Например, итальянец Паццони, который требовал называть его "профессор", считал достаточным для знания языка выучить всего десять тысяч слов и пять тысяч стандартных выражений. Китаец

Чжао-Ши, плохо знавший русский язык, китайское значение "петух" переводил на русский как "курицын жеребец" и считал это достаточным эквивалентом. Они все были хорошие, милые люди, но нам мало, что давал их опыт преподавания.

Школьного обучения разведчиков в системе Госбезопасности до 1945 года по существу не было. Будущих разведчиков оперативной работе учили путем передачи своего личного опыта руководители отделений, отделов и опытные разведчики из аппарата. Оперативной технике практически обучали уже в аппарате, а до этого просто знакомили слушателей путем рассказа и показа техники сотрудники службы оперативной техники управления.

Таким образом, нам с Егоровым пришлось "изобретать" все с начала. Чему учить, о чем рассказывать на первых уроках решили относительно просто: тому, что умеем сами - учить, что сами не умеем - знакомить по старому. В этом нашими советчиками были работники ООТ - хорошо к нам относившиеся, и некоторые специалисты Министерства.

Что мы знали и умели: фотографию, радиодело и подслушивание. С этого и начали. В предоставленных помещениях в течение трех лет удалось спланировать, спроектировать оборудование, обеспечить аппаратурой лаборатории-классы для обучения фотографии, микрофотографии, радиосвязи, тайнописи, перлюстрации. С 1947 года нас "усилили" - к нам пришли новые преподаватели и лаборанты. Кафедра оформилась в работоспособный, дружный учебный коллектив. Таково было начало. Условия работы и сами лаборатории ОТ значительно похорошели с введением в строй нового здания при начальнике В.В.Гридневе. И стали еще лучше в Академии.

Находясь на встрече в одной из лабораторий, возникало некоторое сожаление, что уже не пришлось поработать в них, но одновременно и удовлетворение, что разработка технического задания к проектированию этих зданий проводилась нашей группой ОТ, а я визировал готовый строительный проект.

Вот, пожалуй, и все о начале большого полувекового пути ВРШ.

И еще одно соображение, возникшее после встречи. В этом году исполняется 50 лет существования ВРШ - Краснознаменного Института - Академии, что не малая доля времени в общем, историческом периоде - 75-летнего существования внешней разведки. И почти все разведчики последних десятилетий - выпускники ВРШ. Это определяет долю школы в истории разведки. По-моему, она достойна того, чтобы в этом году - году пятидесятилетия первого выпуска - отметить этот своеобразный юбилей.

P.S. Юбилей Академии позже был широко отмечен.

Не могу отказать себе в удовольствии привести здесь полностью полученное мною поздравление в дни юбилея:

"В славной истории ШОН-РАШ-ВРШ - (Школы 101)-КИ-АВР есть и Ваш личный вклад.

Посвятив свою жизнь, энергию и опыт верному служению Родине, Вы всегда были и остаетесь "золотым фондом" Академии внешней разведки, нашей гордостью и опорой.

Долгие годы Вы были непосредственным участником сложного и разностороннего процесса профессионального обучения и воспитания молодого пополнения внешней разведки.

Для многих будущих разведчиков именно Вы были первым примером оперативного работника - офицера разведки.

Ваш бесценный опыт, славные традиции советской и российской разведки Академия бережно хранит и передает слушателям.

Как завет многих поколений сегодня для выпускников Академии определяющим моральным качеством остается - ДОЛГ, а наивысшей жизненной ценностью — РОДИНА.

Мы всегда видим в Вас нашего доброго товарища и коллегу. Уверены, что своей деятельностью Вы будете приумножать и укреплять авторитет Службы и Академии внешней разведки."

Руководство, профессорско-преподавательский состав Академии внешней разведки, Ваши коллеги и друзья сердечно поздравляют Вас, ветерана Академии, с 60-летием нашего учебного заведения.

Желаю Вам успехов, доброго здоровья, личного счастья и благополучия.

*С уважением
Начальник Академии
генерал-лейтенант
Н.Грибин
3 октября 1998 года*

"ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ"

В начале 90-х годов, неожиданно для меня, моя персона попала в печатные издания. Впервые она была упомянута в книге, изданной в Великобритании, а потом, через некоторое время переведена у нас, в одном из буржуазных исследований о советской внешней разведке.

Называется эта книга "КГБ от Ленина до Горбачева", автор Кристофер Эндрю - англичанин, военный писатель - историк и Олег Гордиевский - предатель, бывший резидент советской разведки в Лондоне - пошедший на сотрудничество с англичанами - потом сбежавший туда же.

После того, как с этой книгой ознакомился мой племянник - страстный любитель истории и исторической литературы - он позвонил мне и воскликнул:

- Ты же историческая личность!
- С чего ты взял? - удивился я.
- А как же, раз о тебе напечатали, значит, ты уже навсегда в истории!

Я понял, я "влип" в историю.

Тут заговорил, вероятно, "червячок тщеславия" и я разрешил себе представить эти писания. И так, начнем с первого из них:

"Налаживание сотрудничества между ОСС и НКВД, и связанные с этим надежды побудили бригадного генерала Хилла предпринять, безуспешные, правда, попытки возродить былые связи СОВЕ с русскими. В апреле 1944 года СОВЕ снарядила майора Красовского из НКВД передатчиком и оружием, и забросила его в Югославию с заданием встретиться с Тито. Председатель СОВЕ в Бари передал в Лондон "Красовский совершенно не заслуживает затраченных на него усилий". В итоге Чичаев информировал СОВЕ, что Москва отозвала Красовского "Поскольку попытки установить связь с СОВЕ с целью налаживания сотрудничества провалилась". Бригадный генерал Фицрой Маклин, представитель Черчилля в штабе Тито, сообщил, что, напротив, у миссии СОВЕ сложились с Красовским самые теплые отношения". (Русское издание - Кристофер Эндрю и Олег Гордиевский: "КГБ - История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева").*

"Дальше общих рассуждений о совместных диверсионных операциях против немцев в Западной Европе с англичанами и американскими спецслужбами дело не пошло. Однако мы наладили деловой контакт с сотрудниками английской разведки, действовавшей при штабе маршала Тито в Югославии. Подполковник Квашнин установил хорошие личные отношения с сыном Черчилля Рандольфом и оказал

большую помощь английским офицерам в выходе из немецкого окружения. Полученная от Квашнина информация имела важное значение в оценке намерений английских правящих кругов и в их послевоенной политике в Югославии". (Павел Судоплатов: "Разведка и Кремль" - Записки нежелательного свидетеля". М.: 1996 год; и повтор П.Судоплатов "Спецоперации Лубянка и Кремль 1930-1950 годы", М.: 1996 год).

"В первых числах марта 1944 года Тито обратился к советскому правительству с несколько неожиданной просьбой о дополнительном командировании к нему "работников высокой квалификации по линии военной, финансовой и контрразведывательной с советническо-инструктивными функциями"...

В Москве быстро приняли необходимое решение. В середине апреля в ставку Тито прибыла новая группа оперработников НКГБ: Б.П.Одинцов, советник по разведке, А.В.Тишков, советник по контрразведке, П.Е.Горошкин, специалист по шифровальному делу, М.В.Жуков для работы личным шифровальщиком у Тито по его просьбе. Одновременно в эту группу был командирован из Лондонской резиденатуры сотрудник разведки К.К.Квашнин, который там поддерживал контакт с представителями британской разведки.

Здесь ему было поставлено своеобразное деликатное задание - "отвлекать внимание англичан и американцев от группы Одинцова - Тишкова". В этом качестве он проработал около пяти месяцев". (Очерки Истории Российской внешней разведки, том 4, 1941-1945 гг", М.: 1999 год)

"Трагические дни последней недели июня - начала июля 1941 года. Именно тогда стало совершенно очевидно, что главным театром разведывательно-диверсионных операций против немцев, будет захваченная противником территория Белоруссии, Украины и Прибалтики. Там в соответствии с известным выступлением Сталина, 3 июля 1941 года требовалось развернуть специальный партизанский фронт борьбы с немецко-фашистским нашествием. Решать эту задачу должна была особая группа (ОГ) НКВД СССР, созданная 5 июля 1941 года. Она формировалась на базе Первого главного разведывательного управления НКГБ - НКВД... В наше распоряжение поступили лучшие в Советском союзе специалисты по минно-подрывному делу, работавшие в Красной Армии, наркоматах, угольной промышленности, геологии, горных разработок. Пригодились и выпускники существовавшей в 1937-1938гг. спецшколы при ОТ ГУГБ НКВД. Слушатель этой школы, подполковник Константин Квашнин, начальник отделения оперативной техники ННО Полковник

Александр Тимашков, сыграли важную роль в обеспечении наших людей Совершенными диверсионными приборами и техникой, не имеющими аналогов у зарубежных специалистов". ("Независимое военное обозрение" приложение к "Независимой газете" № 29 10-16 августа 20001 год - подборка "Особая группа").

О событиях этих же дней, два абзаца помещены в книге "П.Судоплатов - Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год", М.: 2001 год. Серия "Досье". Привожу их тоже:

"В наше распоряжение поступили лучшие специалисты по минно-подрывному делу в Советском Союзе, работавшие не только в системе Красной Армии. Но и наркоматов угольной промышленности, геологии, горных разработок. Среди них помнятся такие блестящие мастера своего дела, как Д.Пономарев, Г.Разживин. Очень кстати оказались выпускники существовавшей в 1937—1938гг. спецшколы при Особой группе Серебрянского. Благодаря слушателям этой школы подполковнику К.Квашнину и начальнику отделения оперативной техники ННО полковнику А.Тимошкову наши службы были обеспечены совершенными приборами и техникой, не имевшими аналогов у зарубежных диверсионных служб.

Известно, что в органах госбезопасности спецназа, как войскового соединения, до этого не было. Планы Серебрянского по созданию спецназа в 1938 году на базе имевшейся при Особой группе школы по подготовке диверсантов реализованы не были в связи с его арестом. Однако в отделе оперативной техники существовала спецгруппа по подготовке диверсионных приборов во главе с блестящим специалистом тогда старшим лейтенантом госбезопасности Л.Тимошкову, Именно он вместе со слушателем спецшколы Серебрянского К.Квашниным стали во главе важнейшего направления нашей работы — оснащения спецназа диверсионной техникой."

"Умелого и грамотного использования оперативно-технических средств сотрудниками внешней разведки за границей нельзя добиться без основательной и квалифицированной их подготовки в Центре. До 1943 года она проводилась в школе особого назначения (ШОП), созданной в 1938 году, а первая специальная кафедра оперативной техники создана в ней в 1945 году. Ее начальником был назначен К.К.Квашнин. Радиоинженер по образованию, он после аспирантуры в 1938 году был призван в органы НКВД. Во время войны ему пришлось работать в Лондонской резидентуре, и в 1944 году быть советником по спецтехнике у Иосипа Брос Тито в Югославии. Времени на

оперативную технику в те годы отводилось много, поэтому слушатели могли самостоятельно изготовить микрограмму и хорошо замаскировать в открытку или письмо, своими руками сделать хороший контейнер, отлично владели фотографией, тайнописью".

Вот что вспоминает о своей учебе в 101 школе Л.В. Шебаршин: «Фотография во всех ее специальных вариациях, изготовление микроточек, тайнопись. Средства связи. Средства негласного съема информации, основы приобретения источников и работа с ними, методика ведения наружного наблюдения и приемы его выявления - все это было ново и чрезвычайно увлекательно». (Из юбилейного сборника Академии внешней разведки (АВР) - закрытое издание ДСП - 2000г.)

"Квашнин К.К. - Советский разведчик. В годы Великой Отечественной войны был сотрудником Лондонской резидентуры. В апреле 1944 года был направлен в Югославию (поддерживал контакты с представителями британской разведки). Работал в этой должности до октября 1944 года". ("Разведка и контрразведка в лицах". Энциклопедический словарь российских спецслужб, М.: 2001 год).

В 2001 году, к 60-летию создания отдельной бригады Особого назначения (ОМСБОН) НКВД СССР и 20-летию образования группы специального назначения ПГУ КГБ СССР "Вымпел" была создана богато оформленная книга "Осназ - от бригады особого назначения - К "Вымпелу" 1941-1981". В ней также промелькнула моя фамилия. Не могу удержаться от соблазна привести абзац из нее.

"Специальная группа особого назначения при НКВД СССР (1934-1938 гг.) 13 июня 1934 года, через три дня после объявления структуры вновь образованного НКВД СССР, отдельным секретным приказом в его составе была создана Специальная группа особого назначения (СГОН) при Народном комиссаре внутренних дел СССР. В ее задачи входило руководство сетью нелегальной агентуры глубокого ведения, созданной ранее, а также организация новых не шальных разведточек в различных странах мира.

При СГОН был организована специальная школа по подготовке кадров разведчиков - нелегалов диверсионного профиля. Слушатель первого выпуска школы 1937 года лейтенант ГБ К.К.Квашнин позднее в годы Великой Отечественной войны, стал одним из руководителей подразделения полготовки диверсионных приборов в 4-м Управлении НКВД- НКГБ СССР.

Со дня основания до своего ареста в ноябре 1938 года Спецгруппой руководил

старший майор ГБ Я.И.Серебрянский". И наконец, последний абзац к моим воспоминаниям, как Исторической личности" из книги незнакомого лично мне автора:

"Нельзя не сказать об уникальной судьбе сотрудника 4-го управления Квашнина. Вместе с сыном Уинстона Черчилля - Рандольфом он оказался в ставке Тито. Когда в 1944 году немцы предприняли крупную карательную операцию против штаба югославских партизан. Многих удалось вывести на самолетах. Но группе Рандольфа Черчилля и сотрудникам советской разведки во главе с Квашниным пришлось самим выходить из окружения.

Можно с полным основанием признать, что английский премьер спасением сына во многом обязан нашему чекисту. Квашнин имел большой опыт партизанской войны, был первоклассным мастером подрывного дела. Он вел обе группы. С боями англичане и русские вышли из немецкого кольца". (Михаил Болтунов – Короли диверсий" История диверсионных служб России, М.: 2001 г.)

Кроме источников, в которых обо мне упомянули некоторые авторы мои личные воспоминания опубликованы в газете "Голос Родины" - газета о соотечественниках и для соотечественников и в газете "Новости разведки и контрразведки".

Они так же, несколько повторяя, могут чем-то дополнить то, что написано ранее. Рискую повторить их и здесь. Примем как резюме.

"Родился я в Омске. Окончил семилетку, а затем с дядей переехал в Новосибирск, где начал работать на заводе учеником электромонтера. Там поступил в комсомол, увлекся комсомольской работой, а в 1931 году стал кандидатом в члены партии. Вскоре мне предложили пойти на учебу на годичные курсы подготовки в ВУЗ. Спустя год направили в институт, что в Москве на Петровке. В 1937 году окончил институт инженером по радиосвязи и радиовещанию и был оставлен в аспирантуре, Но в 1938 году меня мобилизовали и предложили работать в НКВД.

Спецшкола.

Работа разведчиком началась с обучения. Около Самотечной площади, в Троицком переулке. В маленьком особнячке располагалась так называемая спецшкола спецгруппы при наркомате внутренних дел. Там давали специальную подготовку для работы на территории возможного противника, готовили организаторов диверсионной работы. Кроме чисто разведывательных дисциплин (как переходить границу, легализоваться, иностранные языки и т.д.) был большой

курс по специальной технике. Нас выпустили раньше намеченного срока, так как в это время на место Ежова пришел Берия, и началась очередная чистка. наших учителей в большей части посадили, а нас разбросали по различным подразделениям. Из школы я вышел специалистом минно-подрывного дела.

Бригада особого назначения

С началом войны, уже в июне 1941 года, внутри НКВД была создана специальная бригада особого назначения для разведывательной и диверсионной работы в тылу противника. Я был откомандирован в нее помощником начальника инженерной службы. О самой бригаде написано около пятидесяти книг. О ней, например, писал ставший в последствии писателем полковник Дмитрий Медведев в книге "Это было под Ровно". Фильм "Подвиг разведчика" рассказал о действительных делах разведчика Кузнецова из группы Медведева.

Бригада создавалась на добровольных началах, и в нее вошли почти все известнейшие спортсмены общества "Динамо" и "Спартак" (к примеру, чемпион страны по боксу Николай Королев, известные бегуны братья Знаменские, гребец Долгушин) и находившиеся тогда в Москве иностранцы-коммунисты (немцы, венгры и другие... Бригада базировалась в поселке Строитель, под Мытищами (там до сих пор сохранился динамовский тир), а мелкие ее группы работали по всей территории Советского Союза. Бригада дала стране шестнадцать Героев Советского Союза. Среди них - Кирилл Орловский, знаменитый председатель белорусского колхоза "Рассвет" по биографии которого сделан фильм "Председатель".

О деятельности бригады рассказывается в четырех сборниках, изданных в 60-80-х годах под общим названием "Динамовцы в боях за Родину". Авторы - сами участники боев и операции, а составителем и редактором был генерал-лейтенант А.П.Судоплатов, начальник 4-го управления, в ведении которого находилась бригада. отсидевший после войны пятнадцать лет якобы за выполнение преступных поручений Берии. Только в последние годы Судоплатов был реабилитирован.

Когда в октябре немцы близко подошли к Москве, бригада участвовала в операциях по обороне столицы. Большая ее часть была влита в армию Рокоссовского и минировала подступы к городу; меньшая, куда входил и я, участвовала в устройстве оборонительных сооружений и минировании центра Москвы. В Лондоне, в составе резидентуры.

К 1943 году в США и Англии были созданы службы по подрывной работе на территории противника. Эти службы вступили в официальный контакт с нашим

разведывательным управлением. Меня, как специалиста, занимавшегося организацией выброски, направили в Лондон, для контактов с английской разведкой и организации совместных действий. Я участвовал в выброске наших агентов-диверсантов, которых готовили в Советском Союзе, а англичане на своих бомбардировщиках доставляли в заданные районы. В мою задачу входило опекать их в Англии, доставлять к самолетам, инструктировать при посадке. Если выброска не состоялась, и мол подопечные возвращались назад, я устраивал их на конспиративную квартиру до следующего полета. Теперь, как мне стало известно, этих боевиков готовил и Рудольф Иванович Абель и Яков Исаакович Серебрянский - известные советские разведчики. Как наши люди доставлялись до Лондона, мне не известно. Маршрут был засекречен. Достаточно сказать, что я добирался до Англии с аэродрома в Тушине через Тегеран, Каир, столицу Нигерии - экваториальный порт Лагос, затем оттуда на летающей лодке через сенегальскую столицу Дакар и португальский Лиссабон до Саутгемптона, курортного городка на побережье пролива Ла-Манш, а дальше - на поезде до Лондона.

В конце 1943 года наши войска достаточно продвинулись па запад, и лететь на оккупированные немцами территории было примерно одинаково, что от нас, что из Англии, Поэтому отпала необходимость в переброски нашей агентуры в Лондон. Но контакты с Англичанами не прервались. Было принято решение оказать совместную помощь югославской армии Тито, которая вела достаточно активные бои против немцев. Для этого при штабе Тито в партизанском районе, центром которого был Дрвар, создавались военные миссии Советского Союза и Англии.

Туда я был откомандирован для совместной работы с англичанами. На английском самолете, взлетевшем с аэродрома в Бристолле, через Гибралтар, Алжир, Сицилию я прилетел в Бари, порт на Адриатическом море на Апеннинском полуострове, примерно в 20 километрах от Бриндизи, где находилась английская военно-воздушная база, самая близкая к Югославии. Ситуация с нашей военной миссией была следующая. В конце февраля из Бриндизи в Дрвар на английских десантных планерах переправлялась первая группа из 11-12 человек во главе с генерал-лейтенантом Корнсевым. Наша основная группа собралась в Бари в начале апреля примерно из 20 человек. В нее вошли помимо нескольких разведчиков армейские специалисты по артиллерии, связи, танкам... Специалистом по организации партизанских действий был генерал Горшков, прославившийся как командир одного из партизанских отрядов в Брянских лесах. В эту группу кроме

военных специалистов входили заместитель председателя Госбанка и заместитель министра финансов СССР, которые могли проконсультировать штаб Тито по финансовым вопросам.

13 апреля мы проследовали в Бриндизи и оттуда на английском двухмоторном военном самолете ночью вылетели в наступлении западной Боснии. Каждому на крайний случай дали парашют и проинструктировали, как им пользоваться. Многие из нас никогда ранее не прыгали с самолета. К счастью все обошлось благополучно, хотя нас во время полета энергично обстреляли. Приземлились мы на плохо подготовленном поле - партизанском аэродроме. Нас ждали. Были зажжены сигнальные костры. Все быстро высадились. Самолет сразу ушел назад. Время было холодное в горах, примерно в километрах 50 от Дрвара. Там, кроме лесов, гор и ущелий, ничего нет. Переждали до утра в избушке около аэродрома, а рано утром надо было уходить, так как немецкие самолеты летали и обстреливали всех и вся. Поднялись в гору и день провели в пещере. Потом совершили бросок километров 25 до узкоколейки и по ней доехали до Дрвара.

При штабе Тито

В партизанской, столице в то время было не больше десятка, не разрушенных немецкими самолетами домов, которые можно было для чего-то использовать. В одном из таких домов располагалась наша военная миссия. Недалеко была военная миссия англичан. Меня прикомандировали к ней в качестве офицера связи.

Через 4 дня всю нашу миссию принял Тито в своем штабе, который находился в бревенчатой пристройке в пещере на горе, попасть туда можно было только по узкому уступу, справа от которого была скала, а слева - неприступный обрыв. Где-то с другой стороны был запасной выход. Прием был не богатый. Жили партизаны по существу впроголодь. Были овощи, небольшие кусочки мяса. Посуда разная. Встреча прошла очень тепло. Тито рассказывал о своей армии, гордился, что она многонациональна. Особенно восхищался своими черногорцами, самыми боевыми ребятами. Черногорцы заявляли, шутил Тито, что они с русскими самые сильные, потому что их вместе 200 миллионов.

Хорошо помню, как все мы вместе отмечали 1 Мая, выпили за нашу Родину. Конечно, утром была бомбежка, днем - обстрел.

Помнится так же, как мне поручили проверить запасную базу, куда должен был эвакуироваться в случае опасности штаб вместе с миссиями. База находилась на горе, в лесу - "шуме" на местном языке. Там неожиданно налетели немецкие

истребители, начали обстреливать. Меня застали на открытой поляне. Пришлось прятаться за пеньками.

5 мая особенно хорошо помню - в Дрваре был конгресс молодежи Югославии. Съехались молодые люди, сторонники народной армии из партизанского края. То время было тяжелое. Немцы нажимали на народную армию со всех сторон. Бои шли в 10-15 километрах от Дрвара. Конгресс проходил в большом сарае, где стояли деревянные скамейки и стол для президиума, На конгрессе были представители от военных миссий. Очень хорошо встречали Тито; ему верили и перед ним преклонялись. Нас приветствовали криками "Сталин. Сталин..." Они так надеялись на нашу помощь. Уже тогда наши самолеты с Южного фронта стали челночными полетами подбрасывать им вооружение.

Во второй декаде мая начинали наступление на Дрвар. Началась эвакуация штабного имущества в шуму. 17 мая Тито вместе с представителями нашей миссии выехал в горы для выбора нового места для штаба. В горах, в лесу мы пробыли два дня. У меня за это время было две встречи с Тито. Первая деловая, когда мы предложили свою помощь в организации диверсионной и партизанской работы.

Вторая встреча была как-то утром. Мы оба рано проснулись, и он предложил прогуляться. Где-то на отдалении нас сопровождала охрана. Мы быстро нашли общую тему. Я рассказал о себе, об Омске, где родился. Оказывается, под Омском Тито, будучи военнопленным первой мировой войны, работал батраком. С тех пор он и русский хорошо знает. Солнечная погода, зелень, величие гор пробуждает лирическое настроение. Тито размышлял, стал фантазировать о красивой жизни после победы. Больно представить себе сегодня, что творится теперь в Югославии. Разве за это клали свои головы бойцы Народной освободительной армии Югославии?! Да и наших там не мало полегло.

Неудачный "Ход конем"

25 мая немцы начали операцию по захвату штаба Тито и наших миссий под кодовым названием "Ход конем". Говорят, что Гитлер дал приказ всю советскую военную миссию уничтожить. Такого приказа вроде не было в отношении английской миссии, поскольку там был сын Черчилля Рандольф. С ним я встречался почти каждый день. Мы обсуждали вопросы общего интереса.

Так вот 25 мая немцы высадились примерно в каких-то полутора километрах от штаба. Парашютисты, десантники на планерах, танки. Налет на Дрвар. Но еще до окружения нам удалось выйти из опасной зоны. Кругом шли бои. В ночь на 26 мая

штаб и миссия снялись и начали отступление в шуму. Нас гоняли по горам до 8 июня, как стадо баранов. Был момент, когда из-за измены одного войника (воина) нас почти окружили. Тогда мы разбились на две группы: в одной - Тито и главы миссий с несколькими старшими офицерами, все остальные, куда вошли Черчилль и я, - в другой. Отходили в разных направлениях. Сейчас это трудно представить, но тогда мы были в походе около 100 часов (с редкими часовыми привалами). Выбрались мы, спустившись ночью по отвесной скале, хватаясь за куски, следуя гуськом за проводником. Нам удалось оторваться от немцев. Да и югославские воины смогли как-то закрепиться и ослабить натиск преследователя.

Как потом мы узнали, за три дня до этого группы Тито вывез наш самолет, который базировался на английской базе Бриндизи. Трое советских летчиков во главе с командиром Шорниковым смогли приземлиться на пяточке, в считанные минуты забрать всю группу и вывести ее в Бари. Всем им в последствии присвоили звание Героя Советского Союза и Героя Республики Югославия,

Выйдя из окружения, мы нашли подходящее место для посадки самолета. Английские связные вызвали со своей военной базы четыре "Дугласа", которые прилетели под прикрытием истребителя. Нас быстро взяли на борт и вывезли в Бари.

Послесловие

В последствии Тито организовал штаб для руководства своей армией на югославском острове Вис, недалеко от Сплита. Мы назвали этот остров "Вино и сардины", чего там было в избытке. Но не было воды, и привозная вода шла только на приготовление пищи. На Висе военные миссии работали недели две. Потом по решению Ставки, Тито вывезли в Румынию, откуда он продолжал руководить борьбой югославского народа.

...После войны меня направили в разведывательную школу 1-го Главного управления начальником кафедры специальной техники. С преподавательской работы я и вышел в 1967 году в отставку. Свои знания и опыт я передал многим разведчикам, и это вселяет в меня чувство удовлетворения. После отставки я пошел в науку работал в области радиовещания. Сейчас пенсионер. Моя жена - преподаватель английского языка. Сын - инженер-связист. Его сын, мой внук студент.

Нас, участников Отдельной мотострелковой бригады особого назначения

(ОМСБОН), осталось сейчас не много, а за все время через штатные списки бригады прошло около десяти тысяч человек Но все мы считаем своим долгом донести до нынешнего поколения

СНОВА К ИСТОКАМ

В 1967 году я закончил военную службу, стал гражданским и безработным. Нужно было чем-то заняться. Владимир Аркадьевич Нюренберг - доцент нашего института, первопроходец советского радиовещания, руководитель моего дипломного проекта, мой советчик и добрый товарищ с 1935 года до кончины - предложил вернуться в институт в его лабораторию. Поддержал это предложение и Исак Евсеевич Горон - профессор, заведующий кафедрой. Я стал инженером научно-исследовательской лаборатории радиовещания. Потекли годы спокойной, интересной исследовательской работы над сигналами радиовещания и техникой их распространения. Командировки почти во все районы Советского Союза с измерениями. конструирование новой аппаратуры, участие в технологических разработках проблем радиовещания. Круг занятий, который полностью меня удовлетворял. Продолжалась и моя традиционная общественная работа в партийной организации - пропагандист. В общем, была полнокровная жизнь обычного гражданина Советского общества. Закончилась настоящая жизнь с началом перестройки и реформ; пора на этом заканчивать и свои короткие фрагменты воспоминаний. Что-либо хорошего о последнем времени в памяти не появилось.

P.S. Эта аббревиатура вообще обозначает, что все, что хотелось сказать - уже сказано, а хочется что-то добавить, хотя это и не имеет никакого отношения к теме. Так сказать - последнее слово...

Часто задают, ставший уже банальным, вопрос - вот если бы была возможность повторить жизнь, чтобы вы выбрали - тревожную. тяжелую, бедную жизнь прошлого или обещанную сейчас "светлую, богатую, даже роскошную" жизнь будущего? Я бы выбрал ту, которую прожил.

Я был удовлетворен работой, потому что она была нужна нашей стране, нашему народу, нашему будущему. Не важно как это пытаются оценить теперь - так слушал я, верил в это и верю сейчас. Все, что имелось, создавалось и намечалось создать было наше, а значит и мое, и этого ощущения было вполне достаточно и для меня. Я гордился всем новым, громадным, красивым, что создавалось в стране. Разве

этого недостаточно для чувства полноты жизни: нелегкий быт и многое другое становилось второстепенным, мелким, проходящим. Я не могу и не в праве говорить за всех, за "народ", но полагаю, что мое восприятие жизни, а по существу мировоззрение, не отличалось от мировоззрения большинства моих современников нашей страны - несколько обобщая, от мировоззрения нашего поколения. И как бы не старались новые строители "светлого будущего" переоценить наше прошлое время, нашу историю - ничего уже изменить они не могут.

Я не имею права (а я не самонадеян, чтобы претендовать на такое право) говорить от чужого имени, но от себя лично могу сказать - наше поколение Советских людей останется в мировой тысячелетней истории, как единственное, которое в огромной стране, впервые, попыталось осуществить мечту лучших умов человечества - построить коммунистическое общество.

Теперь все...

Автор: Квашнин К.К.